

Ощущение легкого покалывания пробежало от затылка к самому сердцу. Гу Цзинлань вздрогнул, почувствовав неладное, и поспешно отстранился от Лу Юаньшао, поднимаясь на ноги.

— Юаньшао, оставайся сегодня в Обители Слушающего Волны. Завтра я отведу тебя к бабушке.

Лу Юаньшао посмотрел на свои пальцы, ощущая необъяснимую тоску.

На следующее утро Гу Цзинлань привел себя в порядок и, сидя в теплой гостиной, дожидаясь племянника. Когда Цзиньсэ привел мальчика, Гу Цзинлань внимательно его осмотрел и остался доволен: на Лу Юаньшао была его старая одежда, и, если тот не строил из себя дурачка, выглядел он как вполне миловидный и тонкий юноша.

Перед самым уходом Гу Цзинлань внезапно обернулся, велел слугам принести воды с перцем и щедро сбрызнул ею рукава мальчика. Похлопав его по голове, он наставительно произнес:

— Действуй по обстоятельствам. Нужно плакать — плачь. Если слезы не идут, три глаза рукавом.

Лу Юаньшао застыл, не зная, что и ответить. Его лицо выражало крайнюю степень недоумения. Разве его дядя не должен быть возвышенным и далеким от мирской суеты? Откуда он знает такие подлые приемчики?

Киноимператор Гу лишь усмехнулся про себя: малыш, ты еще слишком неопытен!

Госпожа-мать недавно перенесла простуду, но теперь ей стало лучше, и она возобновила утренние приемы. В Дворе Сосен и Журавлей было многолюдно. В поместье герцога Вэй иерархия была строгой: сама госпожа-мать, затем герцогиня, за ней — старшая и вторая невестки. Лу Цзялань, третий среди внуков, еще не был женат. Ниже шли остальные внуки.

Поскольку старшая невестка сама была гэ-эр, госпожа-мать отпустила ее пораньше, поэтому во время визита Гу Цзинланя ее не было. В зале оставались в основном женщины и дети.

Третий господин клана Лу занимал особое положение. Стоило ему войти, как лицо госпожи-матери смягчилось, и она заговорила с ним удивительно ласково.

Странное предчувствие Гу Цзинланя лишь усилилось. Что-то не так! Отношение госпожи-матери было неестественным. Возможно, прежний владелец тела этого не замечал, но с опытом десятилетий в шоу-бизнесе Гу Цзинлань сразу понял: так не относятся к родному внуку. В ее словах сквозило почтение, а за внешней близостью скрывалась глубокая отчужденность.

Даже если прежний Лу Цзялань был талантлив и умен, разве нужно выказывать такое

почтение собственному внуку? Гу Цзинлань поставил большой вопрос напротив происхождения своего персонажа.

Он подавил сомнения и, сохраняя привычную холодность, непринужденно беседовал с госпожой-матерью. Окружающие привыкли к его отстраненности, зато за его спиной Лу Юаньшао стал объектом пристального внимания всех дам и барышень.

Наконец Гу Цзинлань перешел к делу:

— Бабушка, я хочу попросить вас об одолжении.

Госпожа-мать удивилась. Третий внук редко о чем-то просил. Почти всё, что было в Обители Слушающего Волны, они с герцогом давали ему сами. Раз уж он заговорил, она не могла отказать.

Гу Цзинлань начал рассказ:

— Вчера Сяо Ци внезапно ворвался ко мне, схватил меня за руку, но молчал. Я почувствовал неладное. Позже слуги поймали в отдаленном уголке воровку — это оказалась главная нянька Сяо Ци. Я долго расспрашивал мальчика и лишь спустя полчаса добился правды: эта женщина заставила его прийти ко мне, чтобы отвлечь мое внимание, пока сама она промышляла кражами! А если бедный Сяо Ци не слушался, его били до синяков!

Гу Цзинлань закатал рукав Лу Юаньшао, обнажив ужасающие кровоподтеки. Дамы вокруг ахнули. Госпожа-мать вздрогнула:

— Сяо Ци, иди сюда, покажи прабабушке...

Лу Юаньшао съежился, робко посмотрел на госпожу-мать и спрятался за спину Гу Цзинланя. Сегодня он вел себя безупречно, играя роль запуганного дурачка. Лишь когда Гу Цзинлань подтолкнул его, он, не имея выбора, быстро протер глаза рукавом, пропитанным перцем, и, изобразив крайнюю осторожность, направился к госпоже-матери.

Не дойдя пары шагов, он вдруг развернулся и бросился обратно, вцепившись в ногу Гу Цзинланя. Ребенок рыдал, голос его дрожал от страха, а слезы лились ручьем.

Гу Цзинлань усмехнулся про себя, хотя на лице отразил лишь беспокойство. Он взял Лу Юаньшао за руку и опустил на колени перед госпожой-матерью:

— Раз это обнаружилось в моей обители, значит, это судьба. Сяо Ци уже восемь, но он до сих пор не учился, и мы не знаем, чему его могла научить та злая служанка. Прошу вас, позвольте мне забрать его к себе и обучать лично.

Госпожа-мать немного подумала и согласилась. Раньше Лу Юаньшао всегда был грязным и глуповатым, и дамы старались держаться от него подальше. Но теперь, видя чистого, испуганного ребенка, который дрожал от каждого звука, она вдруг прониклась жалостью к этому правнуку.

— Как же госпожа Фу за ним следила! Разве так можно обращаться с моим правнуком! — госпожа-мать в ярости ударила тростью о пол. — Позвать сюда госпожу Фу!

От этого крика Лу Юаньшао вжался в объятия Гу Цзинланя, заливаясь слезами. Гу Цзинлань тихо прошептал ему на ухо:

— Эй, парень, переигрываешь!

В ответ Лу Юаньшао зарыдал в голос, обхватив дядю за талию:

— Дядюшка! Дядюшка...

Гу Цзинлань лишь вздохнул. Решил пойти наперекор? Он осторожно погладил его по спине, сохраняя на лице холодную маску, но действуя с необычайной нежностью.

— Сяо Ци вчера сильно напугали. Бабушка, если больше ничего нет, я заберу его.

— Хорошо... впредь хлопоты о Сяо Ци ложатся на тебя, третий внук, — ответила госпожа-мать.

Гу Цзинлань опустил глаза, и сомнения его усилились: разве нужно говорить «хлопоты» о собственном внуке?

Вернувшись в Обитель Слушающего Волны, Лу Юаньшао опустился на колени:

— Спасибо, дядюшка, за спасение. Я никогда не забуду этой милости и отплачу вам в будущем.

Гу Цзинлань посмотрел на него и вздохнул. Не зря Кунши называл этого мальчишку обладателем величайшей судьбы. В столь юном возрасте он был невероятно терпелив.

— Раз ты мой племянник, я не мог остаться в стороне, — он помог ему подняться. — Теперь не будешь притворяться дурачком?

Лу Юаньшао молча покачал головой. Ситуация изменилась. Все в поместье знали о его положении, но никто не хотел ссориться с госпожой Фу. Если бы дядя был жесток, он мог бы просто избавиться от него. Кому было дело до нелюбимого слабоумного седьмого внука?

— Живи здесь. Если что-то понадобится — проси. Все, что есть у меня, будет и у тебя.

Лу Юаньшао остался. Гу Цзинлань приказал слугам относиться к нему как ко второму хозяину. К счастью, тяжелое детство закалило характер мальчика: он не стал заносчивым и не побежал хвастаться перед другими братьями.

Гу Цзинлань остался доволен и на следующий день начал сам учить его грамоте. Оказалось, у Лу Юаньшао выдающиеся способности. Гу Цзинлань заверил его, что в Обители Слушающего Волны можно не притворяться — все слуги были верны ему, и ни одна новость не выйдет за пределы двора без его ведома.

Мальчик стал учиться с невероятным усердием.

Каждый день Лу Юаньшао приносил дяде прописи. Почерк был еще незрелым, но в нем уже чувствовалась скрытая сила. Гу Цзинлань понимал, что даже без его помощи этот ребенок рано или поздно вырвался бы из оков. Его собственное появление стало лишь шансом, и его главная роль — дать мальчику защиту и знания.

Как и в бесчисленных сценариях, которые он играл, у главного героя всегда есть покровители. А он — лишь один из них. Теперь, когда с племянником все было ясно, пришло время разобраться с тайной собственного происхождения.

Спустя три дня из дворца прибыл евнух Ци с указом императора: в честь праздника пятнадцатого числа на семейный банкет приглашались три лучших выпускника экзаменов, включая Чжуаньюаня Лу.

Гу Цзинлань, конечно, не смел ослушаться. На прошлом банкете прежний владелец тела не смог присутствовать из-за болезни. Гу Цзинлань размышлял: банкет, похоже, устраивался специально для него.

В день праздника он прибыл во дворец. Вспоминая других приглашенных: Баньянь был выходцем из бедной семьи, а Танхуа — гэ-эр из знатного рода Цзяннани. Говорили, что у него на лбу была красная родинка, которую называли Родинкой Гуаньинь.

Карета остановилась у ворот. Гу Цзинлань увидел, как Баньяня ведут по дорожке.

— Чжуаньюань Лу наконец прибыл, я провожу вас, — к нему подошел евнух Ци, личный слуга императора Иньюань-ди.

Гу Цзинлань удивился. Зачем самому влиятельному евнуху императора лично провожать Чжуаньюаня? Он почувствовал, как дернулся глаз. Что-то здесь было не так.